

Конференция**«СЛАВЯНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»**

Государственный республиканский центр русского фольклора 24—26 мая 1999 г. провел ежегодную научную конференцию «Славянская традиционная культура и современный мир», в которой приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Махачкалы, Сыктывкара, Сергиева Посада, Архангельска, Екатеринбургa, Владимира, Глазова.

В приветственном слове, обращенном к участникам и гостям конференции, генеральный директор Центра русского фольклора *А.С. Каргин* отметил важность проведения подобных мероприятий для усиления координации работы региональных научных структур, изучающих народную культуру. Он указал на необходимость совместных научно-исследовательских и издательских проектов.

Открыл конференцию доклад *Л.Я. Таежной (Москва)*, в котором основное внимание было сосредоточено на истории создания святителем Дмитрием митрополитом Ростовским Четых-Миней, в корпус которых были включены и жития святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Подвиг земной жизни равноапостольных братьев был связан с созданием и распространением славянской письменности во имя просвещения славянских народов, что и нашло отражение в труде святителя Дмитрия. Автор отметила, что в преддверии празднования 2000-летия Рождества Христова с необычайной остротой встает вопрос о необходимости осознания их подвига современным российским обществом и всем славянским миром.

Большой интерес вызвали выступления представителей Воронежа. *Е.Б. Артеменко* в своем докладе «*Фольклорное текстообразование и этнический менталитет*» обратилась к трактовке фольклорных формул. Помимо традиционного представления о том, что использование той или иной формулы диктуется логикой развертывания смысловой стороны произведения, формула служит средством выражения инвариативного традиционного смысла и является результатом многократного его воспроизведения и закрепления за ним наиболее адекватного языкового выражения. Та-

ким образом, смыслы формулы образуют в своем большинстве план содержания звеньев текстообразующих моделей. Соответственно формулы, репрезентирующие эти смыслы, составляют план выражения названных звеньев, что и заставляет автора предположить, что многие классические формулы сложились и функционируют в пространстве фольклорного текста в рамках текстообразующих моделей, следствием чего их соотношенность с текстом проявляется не непосредственно, а через структуру этих моделей.

С.И. Доброва в своем выступлении «*Эволюция художественных форм как отражение динамики народного менталитета (на материале образного параллелизма)*» показала становление образного параллелизма как художественного приема, характерного для поэтического строя русской народной лирической песни. Докладчица связала это явление с тем периодом в истории человечества, когда люди стали вычленять себя из мира природы и осознавать внутренний мир своей души. Сущность и функциональная природа образного параллелизма с точки зрения автора состоит в символизации человека, его действий и эмоций в образах природы. *С.И. Доброва* поставила своей целью определить принципы разграничения, способы и механизмы формирования различных типов символической образности и т.п. В основе принципов разграничения типов символической образности лежит, с точки зрения автора, определенный набор компонентов (активных и/или функциональных), характеризующийся в образном параллелизме символическим типом соотношения. Автор выделила три типа символической образности и указала на основные способы, механизмы формирования различных типов символической образности, представляющих собой инвариантные модели строения семантического комплекса образов-символов, символических действий и символических картин. Автором выделено десять тематических групп, составляющих основу образного параллелизма и накладывающих особый отпечаток на формирование в образном параллелизме различных структурно-семантических модификаций и типов символической образности.

В.С. Кирюхин (Махачкала) обратился к отражению в фольклоре этнических особенностей и национальных отношений русских сект и казачьих групп Кавказа. Автор отметил, что среди казаков преобладают старообрядцы австрийского толка, а среди сект — баптисты, неговисты, адвенти-

сты, хлысты; в Грузии — духоборы. В фольклорных текстах, приведенных в докладе, говорится о религиозном содержании сект, об их значении в этнической истории Кавказа. Докладчик указал циклы устных народных произведений о сектах и группах казаков, в которых русскоязычное население Кавказа рассматривается как несколько этнических групп, основанных на религиозных убеждениях, что особенно ярко проявляется в меморатах.

В докладе *А.П. Шаховского (Глазов) «Ассоциативный ряд в затекстовом пространстве русских причетов»* отмечалось, что ассоциации выступают в качестве одной из важнейших связующих нитей, одним из каналов взаимодействия образов действительности и музыкальных образов. Они образуют ассоциативный контекст исполнения причетов, проявляясь как до, так и после звучания, и образуя определенный ряд значений. Два уровня этого ряда автор предлагает обозначить как объективный и субъективный, так как один связан с общими коллективными представлениями, а второй с опытом участника фольклорного акта. Ассоциативный ряд представляется как отражение незвукового содержания причетов. Содержание является фактором связи жанра с коллективным опытом традиции. Ассоциации же выступают как один из факторов мелодического образования и, следовательно, как один из факторов интерпретации звуковой символики, сложившейся в русской песенности. Актуализация опыта традиции осуществляется исполнителем в акте звукотворчества, представляющего по сути форму музыкального поведения, включенного, в свою очередь, в определенную фольклорную ситуацию.

Фольклорным сюжетам, связанным с традиционными представлениями телеутов о природе шаманского дара (особенностях его наследования, «шаманской болезни» и ее лечении, обретении бубна, утратой шаманских способностей в старости), был посвящен доклад *Е.П. Батяновой (Москва)*.

А.Н. Розов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад приближающемуся восьмидесятилетнему знаменитой смоленской певицы *О.В. Трушиной*. Докладчик сообщил о наиболее значительных моментах из жизни исполнительницы, рассмотрел на примере ее биографии ряд важнейших вопросов, касающихся как собирательской деятельности, так и фольклористики в целом. Особое внимание было уделено вопросу «народный исполнитель в естественной среде и на эстраде».

Проблемам фольклорного двуязычия в традиционной культуре коми был посвящен доклад *А.Н. Власова (Сыктывкар)*. На примере сказочной традиции автор продемонстрировал, что текст активно функционирует как на русском, так и на коми, и исполнителю в значительной степени все равно на каком языке рассказывать тот или иной сюжетный тип. Рассказывая сказку на русском, он совершенно естественно использует слова на коми, и наоборот.

Тему межэтнических связей в фольклоре продолжила *Т.М. Ананичева (Москва)*, которая на примере таусеневых песен указала на различные типы расселения (смешанный, изолированный) русских и финно-угров, что нашло отражение не только в сюжетном, но и в музыкальном строе песен.

Особую группу докладов составили выступления, связанные с декоративно-прикладным искусством. Так, *Н.Ф. Вяткина (Москва)* рассказала об опыте работы с исследователями, любителями и мастерами народного искусства в музейно-выставочном центре народного творчества и современного искусства «Игрушка». *Л.М. Зайцева (Сергиев Посад)* обратилась к вопросу о происхождении женского костюма Бирюченского уезда Воронежской губернии. *В.М. Жигулева (Сергиев Посад)* рассмотрела в своем выступлении эволюцию женской одежды Тамбовской и Пензенской губерний конца XIX — начала XX века. *Г.А. Федорова (Владимир)* указала на то, что обучение девочек изготовлению такого традиционного элемента девичьего костюма как *накосник* может стать стартовой темой в приобщении детей к русской традиционной культуре. Автор отметила, что работа по изучению вместе с педагогом музейных образцов накосников, попытка скопировать понравившиеся образцы, придумать что-то свое позволяет девочкам познакомиться с целым рядом техник и технологий, освоить в доступной мере старинные швы, вплоть до шитья «по карте» и «в раскол» золотой нитью, шитья канителью и металлическими блестками. *А.А. Розанова (Москва)* обратилась к истории происхождения и развития техники *анкарс*. *А.Г. Кулешов (Москва)* в своем сообщении указал на то, что два вида ремесла — игрушку и гончарство — важно рассматривать вместе, учитывая достижения и особенности местных традиционных ремесел. Он отметил, что образы глиняной игрушки проникали в произведения гончарного ремесла, подсказывая ремесленникам новые решения в оформлении посуды. Особый интерес вызвало выступление *М.М. Горшкова (Москва)*, который на примере работы *Т.А. Кондрашова* описал опыт визуальной фиксации работы гончара. Докладчик отметил, что видеокамера позволяет зафиксировать процесс производства глиняной посуды от начала до конца в реальном времени. На видеозаписи можно увидеть все приемы работы и последовательность действий. Автор отметил, что необходимо фиксировать не только сам процесс работы, но и словесные комментарии мастера, а также указал на необходимость фотофиксации и зарисовки процесса.

Е.А. Самоделова (Москва) рассмотрела игровое и театральное начало плача, которое прослеживается в его словесно-мелодических составляющих, дополненных телодвижениями и жестиком импровизацией исполнительниц, а также в топографии реальной и символической, что наблюдается в образе и поэтических текстах. Докладчица отметила, что не утрачено и мифологическое представление о способности плача проникать в иные миры и

символизировать временную ритуальную смерть невесты. В сообщении было указано на то, что народная терминология отразила многообразие манер причитывания и изобилие оттенков звучания. Было отмечено, что исторический феномен сокрытия и подмены невесты распространяется и на плачевую традицию, так как от лица невесты могли причитать подружки или специально приглашенные плачеи, причем в полном, редуцированном и даже пародийном виде.

Циклам и спевам частушек был посвящен доклад *Н.С. Бурмистрова (Москва)*. Под спевом автор понимает исполненные подряд (обычно в составе цикла) несколько частушечных строф, которые объединены одной темой или одним героем. Цикл же, с точки зрения автора, это серия частушек одной разновидности, обычно не связанных единством темы или героя, и исполняемых в течение времени от одного действия гулянья до другого. Как отметил докладчик, в спеве присутствует элемент драматургии, исполнители частушек участвуют в своеобразном театрализованном представлении, что наиболее ярко проявляется в спевах-диалогах. Особое внимание в докладе уделялось спевам, которые образуются двустрочными страданиями и частушками типа «Семеновна». Автор отметил, что спев нередко используется как композиционный прием, а это уже сближает частушечный спев с народной песней. Однако превращения в песню не происходит, так как спевы представляют собой лишь небольшую часть частушечных текстов, не имеющих собственного напева, а использующих частушечную мелодию.

Выступление *Т.С. Каневой (Сыктывкар)* было посвящено лирическим частым и игровым песням, бытовавшим на свадебных и посиделочных игрищах усть-цилемской традиции. Докладчица указала на то, что игрища, устраивавшиеся в завершении посиделок, имели характерную хореографию, связанную с движением участников по кругу, а также сопровождалась традиционными играми («в колечко», «жмурки», «в валенок», «по разуму» и т.д.) и плясками под песни. Было отмечено, что на игрищах, приуроченных к рождественскому календарному циклу появлялись ряженные («машкированные»), которые представляли сцены с продажей души покойника, появлением дьявола, продажей лошади, хождением роженицы. Игрища, приуроченные к свадьбе, были составной частью девичника и свадебного стола в доме жениха и ограничивались лишь той частью, на которой участники «кружились».

Топонимический континуум пинежской деревни рассмотрела в своем сообщении *А.А. Иванова (Москва)*. Указав на то, что Пинега является полиэтнической зоной, она отметила наличие определенной ландшафтно-топонимической ситуации, объединяющей чудской и русский субстраты. В докладе отмечалось, что русские топонимы имеют владетельный характер и описывают, в отличие от финно-угорских, не только пойменно-речные, но и склоново-нагорные местоположения. В настоя-

щее время происходит изменение ландшафтной ситуации, вследствие чего в пределах одной территории число топонимов сократилось более чем в три раза. Помимо этого, освоение края сопровождалось ассимиляционными процессами, в ходе которых происходило заимствование элементов традиционной культуры, в том числе и языковых. Вследствие этого чудские топонимы могли войти в русский язык в первоначальном или трансформированном виде, когда процесс ассимиляции сопровождался либо фонетической русификацией топонима, либо его семантической инверсией.

Продолжая анализ некоторых аспектов пинежской фольклорной традиции, *Л.В. Фадеева (Москва)* рассмотрела все водные святыни региона как элементы системы, которая является одним из уровней более сложноорганизованной системы пинежских святынь. Представив типы водных источников, почитаемых пинежанами (колодцы, ключи, ручьи, озера, реки), докладчица указала, что наиболее маркированы в сознании местных жителей ручьи, за которыми в традиции закреплена наиболее противоречивая информация. Ручьи были рассмотрены как устойчивая граница между «чистым / нечистым» и «живым / мертвым». Именно такая посредническая функция сакрального объекта обеспечивает его прогностические (гадание у ручьев) и целительные (смывание недугов проточной водой) свойства. Единственным же критерием святости ручья остается, согласно приведенным докладчицей примерам, явление у него святого (святыни).

Н.В. Дранникова (Архангельск) на материале Архангельской обл. рассмотрела присловия-прозвища и выделила несколько их семантических типов, основанных на своеобразии одежды, пищи, говора, географического местоположения и т.п. некоторых локальных групп. Она указала на то, что среди присловий-прозвищ выделяются самоназвания и прозвища, данные представителями другой локальной группы. Докладчица отметила также, что всякое прозвище имеет в своей основе анекдот, который сохраняется значительно реже, следствием чего и является затруднительное толкование отдельных прозвищ.

В.Е. Добровольская (Москва) в своем докладе остановилась на анализе термина «местнотимый», который активно используется жителями Пошехонского р-на Ярославской обл. для описания целого ряда явлений. Докладчица указала, что в отличие от церковного понимания термина, которым обозначают местного канонизированного святого, в народном сознании с помощью понятия «местнотимый» обозначается значительно более широкий круг почитаемых святых и святынь. Так, помимо собственно местнотимых святых Севостьяна Сохотского и Андрияна Пошехонского, сюда относятся Манечка Сохотская (ясновидящая, которая и после смерти помогает людям), Федоринский камень и ключ, Федоринская икона Божьей Матери и сама Божья Матерь, причем в последнем случае местные жители подчеркивают, что это именно «местнотимая Богоматерь».

А.В. Коробова (Москва) посвятила свой доклад 135-летию со дня выхода последнего выпуска сборника П. Бессонова «Калики перехожие», который и по сей день остается наиболее полным собранием духовных стихов. Автор отметила, что некоторые сюжеты, представленные в этом сборнике, имеются в единственном варианте, в связи с чем возникает необходимость искать в архивах другие варианты. Было отмечено также, что некоторые сюжеты испытали на себе влияние литургического языка.

Продолжая тему, связанную с духовными стихами, *В.А. Бахтина (Москва)* обратилась к анализу одного мотива духовного стиха о Федоре Тироне. Докладчица указала на устойчивость по вариантам мотива «Посадил Федор Тыринов / Да свою родну матушку / На голову, на темячко...» и отметила его связь с вопросом о местонахождении души человека (ее вместилищем согласно некоторым представлениям является голова).

Большой интерес вызвал доклад *В.А. Ковтика (Москва)* «Скоморошины и древнерусская литература», в котором прослеживалась генеалогия и типология скоморошин и сатирико-юмористических произведений древнерусской литературы («Повесть о Ерше Ершовиче», «Фома и Ерема» и др.). Автор отметил, что связи между скоморошинами и рассматриваемыми произведениями древнерусской книжности выявляются на уровне сюжетов, отдельных мотивов, а самое главное — на уровне стиля и художественного мира анализируемых произведений. В выступлении было уделено внимание уточнению термина «скоморошина», под которым докладчик понимает произведения, обладающие набором стилистических черт, не обязательно возводимых к творчеству скоморохов.

Участники конференции с интересом прослушали доклады *Т.Н. Якунцевой (Екатеринбург)*, которая обратилась к проблеме социокультурного функционирования народных песенников, и *А.В. Кулгашовой (Москва)*, которая сконцентрировала свое внимание на анализе произведений малых лирических жанров в фольклоре славян, содержащих метафору любви «окизнь сердца».

В своих докладах *Ю.М. Киселева (Москва)* и *К.А. Балабанова (Москва)* обратились к некоторым аспектам изучения заговорно-заклинательных текстов. Так, *К.А. Балабанова* рассмотрела вариативность заговорно-заклинательной традиции на примере образной системы заговоров от тоски. *Ю.М. Киселева* в своем докладе изложила наблюдения над варьированием русских заговоров, сделанные в ходе исследования их смысловой организации. Ей была предложена концепция смысловой организации заговоров, согласно которой в основе заговорно-заклинательного акта лежит ситуация, включающая компоненты «объект» и «свойство», а также компонент «средство реализации», которому соответствуют словесные и образные элементы, обеспечивающие воплощение изображаемой ситуации в действительности. Согласно мнению автора, принципиально важным

оказывается смысл действия в заговоре («акция»). *Ю.М. Киселева* выделяет три типа акций, каждый из которых связан с определенным типом ритуального действия, определенной композиционной структурой текста и типом исполнителя действия. Докладчица обратила внимание на характерные случаи семантических отличий в заговорах одной тематической группы, которая воспроизводит одну и ту же ситуацию с помощью сходных средств. В то же время она указала на примеры, свидетельствующие о полном переосмыслении заговора, изменении его смысловой организации и обусловленного ею ритуального и формульного стереотипов.

Горячую дискуссию вызвал доклад *Т.А. Старостинной (Москва)* «Логические принципы музыкальной композиции и народная песня». С интересом был встречен доклад *А.А. Банина (Москва)* «О принципах музыкального знакообразования в наигрышах на пастушеском барабане».

Л.Г. Козинская (Архангельск) не только рассказала о результатах своих полевых исследований, но и продемонстрировала различные формы фиксации записанного во время экспедиций материала. Большой интерес вызвало и то, как используются эти записи ансамблем «Славутница», руководителем которого она является.

В связи с празднованием 200-летия А.С. Пушкина несколько докладов были посвящены фольклору в творчестве поэта. *Т.В. Зуева (Москва)* обратилась к личной теме в сказках А.С. Пушкина и указала на то, что каждая сказка была написана в соответствии с определенными событиями в жизни поэта («Сказка о мертвой царевне...» — в связи с женитьбой; «Сказка о золотой рыбке» — в связи с разладом с тещей и т.д.), что находит подтверждение и в письмах поэта. *В.Г. Смоляцкий (Москва)* в своем сообщении указал на то, что в творческой лаборатории А.С. Пушкина были задействованы все жанры русского фольклора. Поэт обращался к традиционным сюжетам сказок, быличек, исторических анекдотов, песен. Докладчик отметил, что в произведениях А.С. Пушкина неоднократно фигурируют описания календарных и семейных обрядов, а для естественного звучания разговорной речи поэт активно использует в своем творчестве пословицы и поговорки. С точки зрения автора, без глубокого постижения русского фольклора А.С. Пушкин не смог бы выполнить свою историческую миссию национального поэта.

Два заключительных доклада были посвящены теме русского традиционного застолья. *Н.Д. Крылова (Москва)* обратилась к роли еды в масленичном ритуале и указала на то, что еда является основным признаком, по которому в народном сознании разграничиваются масленица и Великий Пост. *И.А. Морозов (Москва)* посвятил свой доклад семантическим, символическим и прагматическим аспектам эпизодов угощения и застолья в составе традиционных развлечений и игр.

Материал подготовила
В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

(Москва) 117